

ВИДУНАС. «Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ»

*Перевод с литовского, публикация и послесловие
Маргариты Варлашиной*

100 лет тому назад именно в ноябре 1821 года родился этот великий Русский писатель. В этом году мир вспоминает об этом. По-разному о нем пишут. Его произведения хвалят. Одни называют его первым, величайшим Русским писателем, другие ставят его рядом с Толстым. Ведь люди всегда склонны сравнивать одно с другим! Как будто человек и его деятельность суть осмыслиемы или измеряемы. По моему мнению, мысль Толстого представляется более активной. Но Достоевский, несомненно, могучий эпик, яркий изобразитель. Примечательно, что весь мир всколыхнулся более десяти лет тому назад, когда начал читать его произведения. Для «натуралистов» он был словно идеал. Даже немецкий философ-поэт Ницше якобы назвал его психологом, у которого он смог чему-то научиться. И сегодня многие с интересом его читают и хвалят. Другие, кажется, сомневаются в натуралистичной психологии. И теперь все больше находится серьезных людей, особенно в науке и искусстве, которые раскрывают слабые стороны этой психологии. Иногда она и в самом деле очень занудлива. Для одних более важными являются изображаемые события, то есть материал повестей, для других –

свет ее основы, духовное ее содержание. И очень много значат слова Рабиндраната Тагора о том, что те многие, которые ничего сказать не умеют, пытаются изложить психологию человеческого поведения. Говорю о натурализме вообще. Но и он, без сомнения, имеет свое значение. Произведения Достоевского зиждутся на особой основе человечности. Кажется, его человечность находится где-то далеко, словно небо за облаками, видимое лишь изредка. Имею в виду два его произведения – «Раскольников» и «Братья Карамазовы» в немецком переводе. Кажется, читал и несколько малых его произведений. А в этом году, когда вспоминаем итальянского поэта Данте, Достоевский, по моему мнению, видится рядом с Данте. Но только тогда, когда читаешь «Ад». Почти вся жизнь, которую он нам показывает, есть жизнь в аду. Все муки людей России он пересказывает. И так живо, что и читателя чуть ли не вовлекает в этот ад. Но то, о чем он говорит, это не ад вообще, но обособленный ад Русского народа. Говорят, будто бы Достоевский родом из Литвы. Это ничего не значит. Он, возможно, как никто другой, показывает Русский ад, Русских людей со всеми их бедами и всеми их муча-

ющими чертями. И то, что ему видится как путь на небеса, путь очищения, есть русский путь. Безвольное блуждание, хныканье, пьянство, болтовня, решимость и новое падение и еще много чего наблюдаем во всяческих картинах. Кажется, будто все русские или слабоумные, или больные люди. В конце концов, он, кажется, очень сильно задевает читателя. Только мнится мне, что он слишком мало предоставляет из того, что ожидается от великого человека. Не пробуждается скрытое величие самого человека. Не проявляются силы души. Вероисповедательные его объяснения также лишены глубины и широты. Отсутствует в них мудрость и мощь истинной веры. Не думалось, что говорить следует только об идеальной жизни, об идеальных людях. Это вопрос второстепенный. Великий художник своими произведениями может низвергнуть на самое дно ада, но всегда и вознести из него может. Широко распространение того, что он предлагает. Вдали, за еле видимым краем поднебесья, брезжит, светает, рассветает. Однако вряд ли можно надеяться достигнуть того края когда-нибудь. Словно не подпитывает этот писатель душу для того, чтобы она обрела крылья. А от великого художника мы ждем именно этого. Но, возможно, Русским он принес больше позитивного, чем мне кажется? А, может быть, и миру? Постараюсь это еще разыскать. А пока вижу его людей бедствующими в аду. Письменность нации и ее жизнь есть лишь два явления одних и тех же вещей, одной и той же сути. Достоевский был, возможно, величайшим мучеником и выразителем своего

народа. Надо его почитать. Однако нам, литовцам, негоже греться у его огня. Мы должны подняться на те высоты, с которых видны не только мрачные жизненные овраги, но и бескрайние дали, пронизанные вечным светом. Наша кровь, наш язык, наше вхождение в мир указывают нам этот путь. Нам следует смотреть вперед и ввысь.

Статья Видунаса, написанная к столетнему юбилею Ф.М. Достоевского (1921), имеет ряд особенностей. Это, прежде всего, непривычная подача материала и своеобразие стиля (языка).

Статья представляет собой сплошной текст: она не разделена на сегменты (абзацы). Такая подача материала, возможно, является следствием поспешного ее написания. Читателю нелегко следовать за авторской мыслью, ее поворотами. Порой переход от одной мысли к другой еле уловим: например, после рассуждений о значении великих художников для человечества («Широко распространение того, что он <художник> предлагает») Видунас вдруг, никак этого не оговаривая, переходит к обсуждению творчества Достоевского («Вдали, за еле видимым краем поднебесья, брезжит, светает, рассветает» и т.д.). В обоих случаях в статье употребляется личное местоимение третьего лица «он», без указания имени как конкретизирующего звена текста. Вследствие этого возникает чувство сомнения в правильности постижения сказанного и невольное желание «улучшить» текст, сделать его более ясным для понимания.

Однако переводчик видел свою задачу в сохранении своеобразия текста Видунаса, отразившего особенности его вербального мышления, и попытался передать все стилистические шероховатости и неровности, языковые «корявости», если это не шло вразрез с основными правилами грамматики русского языка.

Стилистическая окраска статьи Видунаса обусловлена разговорным литовским языком – тогда, в начале XX в., еще далеким от нормативного литературного языка.

Вместе с тем следует иметь в виду, что разговорный язык прусских литовцев (малолитовцев, «литовников») подвергся влиянию немецкого языка. Сам Видунас, сравнивая влияние русского языка на литовский в Литве и немецкого на литовский в Малой Литве, говорил, что «влияние русского не является таким глубоким, каким является влияние немецкого». Возможно, своеобразие первого, вступительного, предложения статьи Видунаса отражает подобную зависимость от немецких синтаксических конструкций. Однако несколько выражений Видунаса не поддались переводу такого рода. Например, не удалось адекватно перевести такое высказывание: „tos bekraštinės tolybės, kurios nardosi amžinojoje šviesoje“ (дослов-

но: «те бескрайние дали, которые ныряют в вечном свете»). Переводческий эквивалент «бескрайние дали, пронизанные вечным светом» привнес в стиль статьи Видунаса несвойственную ей книжность, некоторую шаблонность, нарушающую авторскую неординарную образность.

Что касается содержательных особенностей статьи Видунаса, то некоторая его «осторожность» по отношению к Достоевскому, которую можно было бы назвать недооценкой его творчества, продиктована восприятием текстов русского писателя как глубоко национальных произведений, адресованных, главным образом, русскому читателю. «Нам, литовцам, негоже греться у его огня», – таков вердикт литовского автора.